

ГЛАЗАМИ АКТЕРА

ХУДОЖНИК
И ВРЕМЯ

Большую часть своей творческой жизни я провел в Художественном театре и считаю его лучшим. Он был задуман его основателями как театр особый, как театр максимумов, как совершенство во всем — в мыслях, идеях, в сценической выразительности, в артистической технике, человеческой этике. Высокая требовательность к себе, к собственному мастерству, к своей профессиональной оснащенности, требовательность к драматургам, четкое понимание идейных и творческих задач — все это всегда характеризовало лучшие постановки театра, определяло их успех.

Но театры живут, как и люди, — во времени, в определенных условиях. А, как известно, жизнь прочить — не поле перейти. Трудно пронести сквозь многие годы свои принципы в их постоянном высокохудожественном и высокоидейном воплощении. Это по плечу только сильным. Нашему театру удалось многое. Но многое и не удалось. То, что было задумано Станиславским и Немировичем-Данченко, видимо, не довести до конца одному, даже двум поколениям.

В атмосфере всеобщей заинтересованности происходил тонкий, глубокий процесс передачи и восприятия традиций. Нависокровеннейшая сущность театрального искусства — преемственность. Это процесс обоюдный, и происходит он очень сложно. Приходит молодежь, сливается с теми, кто закладывал основы театра, принимает их методы и манеры и в то же время сама словно бы «опыляет» стариков своей молодостью. В этой взаимной ассимиляции и получается то, что потом будет называться преемственностью. Так, например, еще жил и работал чudesный мхатовский художник В. Симов, а на смену ему в дверь театра уже входили — сначала В. Дмитриев, а потом и П. Вильямс. Они воспринимали достигнутое, заряжались знанием, опытом мастеров, в под влиянием в них кристаллизовалось свое, индивидуальное, неповторимое — и до конца мхатовское.

Оглядываясь на прошлое

своего театра, я не хотел бы замереть в позе замороженно-го прошлым успехами. Я хочу думать о будущем, поэтому меня многое тревожит. Все чаще в разговорах со знакомыми и друзьями приходится слышать ноты огорчения в рассказах о виденном ими во МХАТ. И часто звучат упреки:

— Ну, зачем вы ставите такие пьесы! Они же просто недостойны этой сцены...

Да, пожалуй, в этом есть доля истины. Но ведь дело не только в самом выборе пьес. Необходимо охватить связь всех причин и следствий. Но у каждого из нас есть какие-то свои предположения и наблюдения. И я выскажу свои, ибо Художественный театр мне бесконечно дорог и поэтому очень хочется найти пути к тому, чтобы он во всем достоин был высокого предназначения искусства социалистического реализма.

Мы стали, наверно, не очень-то требовательны, не очень-то взыскательны к самой литературе, которая проникает на сцену Художественного театра. Между тем, если мы заранее знаем, что пьеса, которую мы выбрали, не в силах достойно говорить о важных вопросах жизни, мы не имеем права засорять ею нашу сцену.

Каждому нашему театру, а Художественному в особенности, надо твердо определить для себя, как он понимает сущность современности, чтобы дать ей свое глубокое художественное истолкование. Вернее всего оно определяется гармоническим соответствием общих интересов искусства социалистического реализма с интересами яркого выявления художественного своеобразия данного театра.

Думаю, что для нашего коллектива понятие «современность» прежде всего заключается в способе мышления и участия в жизни в действительном выражении своих взглядов на мир. Нам не подходит подменять эту эстетическую сущность оригинальничаньем, претенциозной игрой ритмами, врожденными взаимоотношениями между людьми, не затрагивающими психологических глубин человеческого бытия. Я не философ и потому, наверно, не

смогу дать исчерпывающую характеристику понятию современности, с которым связана сама идея, эстетическая сущность нашего искусства. Но современность, конечно же, не в поверхностном следовании моде, не в ниспровержении всего того, что дорого нам, а, наоборот, в преемственности и обогащении лучших традиций. Она — в ощущении перспективы жизни, в мечте, романтике, нравственном благородстве.

Сердце болит, когда видишь равнодушие зрителя, порожденного равнодушием творчества. Снайперское попадание в цель возможно только тогда, когда точно уловишь дух времени и какие-то, может быть, еще самим зрителем не осознанные, но уже живущие в нем мечты и стремления.

Когда говорят о Художественном театре, обычно перечисляют актеров — имена коргорты славных. Они ассоциируются с чем-то очень для каждого определенным, неповторимым. Может быть, именно поэтому МХАТ всегда был совокупным художником, объединявшим в себе разнообразные индивидуальности единомышленников. Может быть, поэтому он славился спектаклями явлениями.

И как бы хотелось, чтобы имена нового поколения мхатовцев обрели такую же неповторимость, чтобы не надо было мучительно вспоминать. А кто это? А чем он отличен от другого? Чем он запомнился?.. Никак, думаю, не совместимо с самими принципами Художественного театра, чтобы на его сцене выступали артисты посредственные, невыразительные, независимо от своих лет и почетных регалий. Возраст в искусстве — не чисто временное понятие. Можно оставаться молодым в годы зрелые и быть старичком в молодости. Можно украсить грудь множеством знаков отличий, солидно покоиться на достигнутом. Но одна лишь солидность — далеко еще не достаточное качество...

Как ни грустно в этом признаваться, мы стали менее требовательны, слишком уж расточительно направо и налево разбрасываем слово «талант» а оно ведь дорого стоит, и не надо допускать снижения его ценности.

Откуда же рождается серость? Думаю, это идет от самоуспокоенности, самовлюбленности, от равнодушия. Когда артист отчетливо понимает, что он существует для искусства, а не искусство для него, — это работающий и растущий художник. Но стоит превратиться в привольно пасущегося на вые искусства себялюбца, как незаметно для себя начнешь обрастать коростой равнодушия. А серость — родная сестра ему.

Между тем лучшие представители МХАТ славились не только высокой гражданственностью своего творчества, великолепным профессионализмом, но и подвижничеством. Тут можно назвать многие имена актеров, которые стали синонимом совершенства искусства Художественного театра. Я всегда восхищаюсь ими: какое чувство ответственности перед своим делом, какая трепетность, взволнованность и какой высокий профессионализм! И какой огромный, повседневный труд стоит за всем этим, труд, мера которого не укладывается в расписание репетиций и не измеряется движением часовой стрелки! Я как актер отчетливо понимаю, что творческая крепость, художническая боеспособность, внешность и даже, наконец, талия — результат сурового каждодневного труда артиста, результат огромной требовательности к себе.

Это ощущение высокого долга перед театром, перед коллективом, перед зрителем. Это почти жертвенность, как говорили в старину, а сейчас я бы назвал это гражданственным самосознанием.

И вот мечтая сегодня о будущем, я обращаюсь к тебе, мой молодой современник, к тебе, который принимает эстафету традиций из наших рук, как мы ее принимали когда-то на репетициях, в беседах, в душевном общении от наших учителей. Не влччатся дела театра, если мы не будем относиться к его принципам трепетно, если не сделаем их символом своей театральной веры. Не дадим же им коснеть, залеживаться, покрываться пылью. Пусть эти принципы развиваются вместе со временем, пусть они всегда будут созвучны

современности, великим, прогрессивным идеям века.

В искусстве каждый должен прежде всего спрашивать с себя — по самому большому счету, без поблажек и уступок, без увливания и компромиссов. Быть подвижником — значит больше всего на свете любить свое, нужное людям дело. Без этого ты не сможешь выполнить художническую миссию. Истинное искусство требовательно. Это — искусство глубоких проникновений в судьбы и мысли людей. Но глубоко проникать могут только глубокие натуры. Я мечтаю, чтобы традиции нашего искусства понесла дальше в жизнь глубокая, вдумчивая, пытливая, талантливая молодежь.

Театр — дело коллективное, и ты зависишь от многих людей. Может быть, поэтому мы, актеры, завидуем иногда писателям и художникам, которые, взяв перо или кисть, могут начать свое творчество сейчас же, как только загорится их сердце. Нам же обща нужно ждать вечера, встречи со зрителем.

Наше театральное дело — это усилия многих. И если хоть одно сердце холодно, — механизм работает по инерции. Мне хотелось бы, чтобы никто из нас не позволял своему сердцу работать на холостых оборотах.

Настоящий художник творит, пока его не покидают силы.

Артисты идут по тонким мосткам искусства, вадясь добаться до обетованной земли творчества. Каждый идет к этому по своим мосткам. Трудно, весело и гордо идти по нелегкой нашей дороге. Потому что по ней идут только одержимые творчеством художники-бойцы, только влюбленные в прекрасное, только способные к подвигу, к наибольшей отдаче своих сил людям.

Пусть у молодежи на этой дороге всегда будут надежные спутники. Но все-таки самый лучший и верный спутник — твоя собственная любовь к искусству, ответственность перед ним и перед народом нашим, перед партией.

Б. ПЕТКЕР

Народный артист СССР.

Травса, 1967, 26 сентября